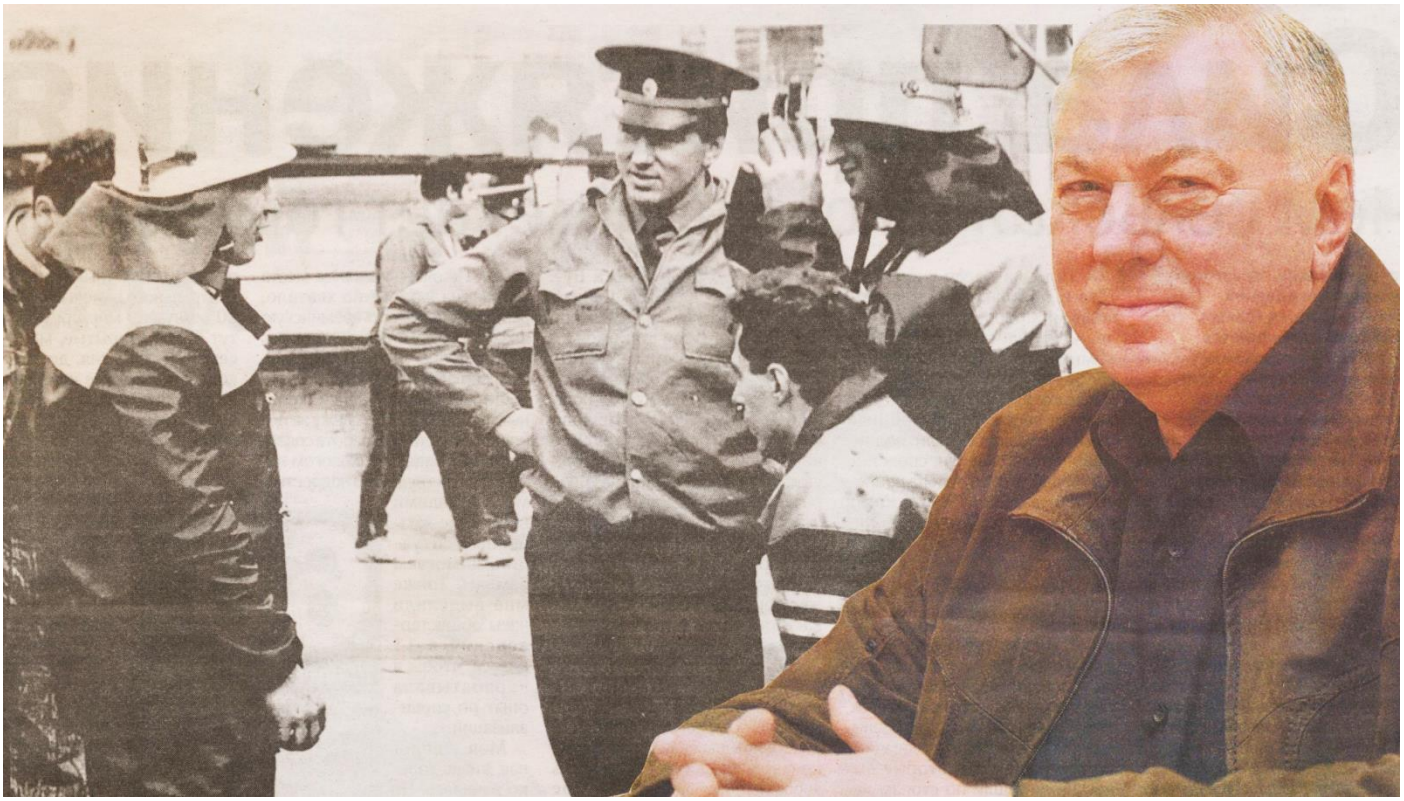
Десять дней в зоне атомной



Жара, лесные пожары, тяжёлая работа в резиновых костюмах, кружащие над Чернобыльской АЭС вертолёты, дезактивация в 30-километровой зоне пустых деревенских изб, которые спешно покинули люди. Такой Александр ЖЕВНЯК запомнил весну 1986 года. Мир ещё не осознавал масштабов и опасности техногенной катастрофы.

О первых неделях после радиационной аварии мы попросили рассказать человека, на чьих глазах менялся мир под нависшими смертоносными облаками.

— За год до аварии на ЧАЭС я пришёл водителем в пожарную часть. В апреле 1986-го была обычная работа: тушили торфяные болотные пожары и верховые лесные, — рассказал Александр Григорьевич. — Сейчас много лжи вокруг тех событий. Например, утверждают, что мало кто вплоть до 1 мая знал об аварии.

Но даже рядовые жители, как я, уже 26 апреля услышали о взрыве на четвёртом энергоблоке атомной станции в Чернобыле.

Другое дело — не представляли реальных размеров аварии и смертельного действия радиации. Я 26 апреля был на родине, в Хойниках. С братом наводили порядок в отцовском доме. Стояла жара — даже загорали. Вдали летали какие-то вертолёты.

Вечером встретил товарища, который шёл на заседание райкома. Он-то и сказал, что случилась авария на АЭС и принято решение готовить технику к эвакуации, только ждут команды. Не могу сказать, что это сильно встревожило или испугало. Обстановка была обычная. На работе ничего особенного — утром уезжали на тушение пожаров, вечером приезжали, выработав всё топливо. Один день провели в деревне Мокиш — мыли дома с порошком для дезактивации. Забирали воду из пожарных водоёмов, часть — из болота, засыпали порошок в цистерну, обливали расселённые дома.

ДЛЯ СПРАВКИ

Александр Жевняк родился в 1961 году в Хойниках. После учёбы в 1979-м ушёл в армию, два года служил в МВД Москвы, позже работал водителем на автопредприятии Гомеля. В 1985-м служил водителем в военизированной пожарной части № 4 по охране Железнодорожного района. В 1996 году в пожарной части № 1 был старшим водителем. С 2001-го по 2020 год работал в пожарной аварийно-спасательной части № 8.

Непосредственно в район Чернобыльской АЭС Александр Жевняк впервые поехал 5 мая — отозвали с дежурства. Вспоминает, что принял автобус и отвёз туда первую смену ликвидаторов из Хойник, Брагина, Комарина. Причём никаких средств защиты у людей не было, только прошли инструктаж. Растерявшиеся управленцы ждали информации от учёных и указаний сверху, как действовать.

— В тот раз только доставил людей и уехал пустым, а 19 мая одних привёз, других забрал. Располагались на сборных пунктах в деревне Стреличево Хойникского района, на территории старых пожарных частей в Брагине и Комарине. От АЭС это было на расстоянии 5-10 километров, — уточнил гомельчанин. — Шли колонной по 6-7 машин. С нами выезжали дозиметристы, измеряли уровень радиации. Иногда на дороге прибор показывал более высокий уровень загрязнения, чем рядом в сосновом лесу.

Не смотрю кинофильмов о Чернобыле. Зрелищные ужастики ничего общего не имеют с реальностью, — делится мнением Александр Григорьевич. — Где-то показывали, что якобы водку раздавали от радиации. Глупости всё это, был вообще сухой закон, даже пива не продавали.

Когда подошла моя очередь поработать около станции, тушил ландшафтные пожары по другую сторону Припяти со 2 по 10 июня. В зоне видимости была АЭС, до неё около четырёх километров. Было видно, как с вертолётов засыпали горящий реактор.

Тогда уже нам выдавали защитные костюмы Л-1, АЗК, респираторы на основе целлофановой плёнки. При жаре в полной экипировке весь день бегать с пожарными рукавами, пробираться по кочкам, оврагам было сложно, но особых недомоганий не чувствовали. В зоне нельзя было ни пить, ни есть. А всё равно кусок сала, воду брали на день. Как иначе? В конце дня стаскивали с себя мокрую одежду. В школе в 30-километровой зоне развернули душ военного образца. По дороге заезжали на какую-то ферму, мыли оборудование с дезактивирующим порошком. Сами мылись, споласкивали костюмы. Ужинали в школьной столовой. Наутро всё повторялось.

Некоторые жители из отселённых деревень приходили к месту нашего расположения в школе и просили при случае заглянуть в их хату в той или иной деревне, узнать, всё ли в порядке. Они надеялись вернуться и боялись мародёров. А мы уже понимали, что навряд ли. Деревни патрулировали военные на БТР, машины химической разведки. Уже к 12-14 мая в зоне, прилегающей к АЭС, не осталось жителей.

Люди работали в спокойном ритме — прибывали экипажи из Минска, Бреста, из Риги, едва ли не со всего СССР, всем делились. Негатива не было вообще, делали своё дело, никто не просился домой. Генералы как-то приезжали узнать, как идёт тушение, что требуется, воды попросили напиться. Попили — ничего, нормально. Мы сами пили воду из колодцев поблизости. Один экипаж, помню, сначала потушил лесной пожар, а потом рванул на АЭС — посмотреть, что да как. Даже поели ребята в столовой на территории станции и поехали обратно. Знаю этих людей, они до сих пор живы и здоровы...

Опасность радиации я ощутил в 88-м, когда брат умер от рака. К слову, ещё до аварии в Хойниках была высокая смертность. С чем связано, не знаю. На улице, где я жил, умерло много молодых людей. Мои родственники до сих пор живут там, один даже работает в радиационной зоне. Причём там, говорят, есть чистые места.

ТЕКСТ:
Елена ЖУКОВА, «В»